

КЛАРИССА
ГОЭНАВАН

Clarissa Goenawan

RAINBIRDS

Кларисса Гоэнаван

ПТИЦЫ ДОЖДЯ

Москва
2019

УДК 821.111-31(592.3)
ББК 84(5Син)-44
Г57

Clarissa Goenawan
RAINBIRDS

Copyright © by Clarissa Goenawan, 2018
By agreement with Pontas Literary & Film Agency.

Перевод с английского *Ирины Гиляровой*

Jacket design by Janine Agro
Author image: © Choo
Jacket image: © Don Farrall/Getty

Гоэнаван, Кларисса.

Г57 Птицы дождя / Кларисса Гоэнаван ; [пер. с англ. И. Гиляровой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-104925-6

Роман «Птицы дождя» начинается с поставившего в тупик общественность загадочного убийства молодой учительницы, которое произошло в небольшом японском городе в дождливую ночь.

Житель Токио Рен Ишида получает известие о смерти старшей сестры, с которой не виделся годы. Однажды Кеико просто исчезла из Токио, а в семье перестали упоминать ее имя.

Рен отправляется в городок Акакава, чтобы уладить дела сестры и понять наконец, почему она их покинула. В Акакаве он занимает квартиру Кеико и устраивается учителем на место ее работы. Вскоре Рен начинает видеть странные повторяющиеся сны — незнакомую девочку, которая рассказывает ему о разделенной на два полумесяца луне и обещает, что скоро он обязательно поймет, что все происходящее вокруг него — звенья одной цепи.

УДК 821.111-31(592.3)
ББК 84(5Син)-44

© Гилярова И., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-104925-6

Глава 1

ОНА РАССЫПАЛАСЬ И ПРЕВРАТИЛАСЬ В ПРАХ

Поначалу все было как обычно, ничего неожиданного.

Я говорил с сестрой по телефону и представлял, как она сидит за письменным столом у окна своей комнаты в Акакаве, как лучи солнца проникают сквозь занавеску и бросают каштановые блики на ее длинные темные волосы. Она задавала мне вопрос за вопросом, а я просто бубнил односложные ответы, мечтая поскорее закончить наш разговор. Но потом, прямо на моих глазах, она рассыпалась и превратилась в прах.

Я проснулся в черном седане; этот сон мог легко выскользнуть из моей памяти, если бы у меня на коленях не стояла белая фарфоровая урна с изображенными на ней хризантемами и летящей кукушкой. В урне был прах моей сестры, Кеико Ишиды, которой на момент смерти было всего тридцать три года.

— Еще долго ехать? — спросил я, ослабив галстук.

— Мы почти на месте, — ответил Хонда.

— Может, включишь музыку?

— Конечно, — ответил он и щелкнул клавишей.

По радио зазвучала «Summertime» Билли Холидей.

Для раннего пятничного вечера поездка шла гладко. Солнце висело еще высоко, впереди не было видно пробок. Даже музыка располагала к релаксу, под такую хочется барабанить пальцами, отбивая ритм.

Мои пальцы невольно стиснули гладкие стенки урны, похожей на невысокую цилиндрическую вазу. Хонда бросил на меня быстрый взгляд и снова направил свое внимание на дорогу.

— Кеико любила джаз, — сказал он.

Я кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Ее коллекция, маленькая стопка кассет — что теперь будет с ними?

— Забавно, но она не могла назвать практически ни одного джазового музыканта, — продолжал Хонда.

Я кашлянул.

— Не обязательно быть эрудитом, чтобы ценить джаз.

— Верно сказано, Ишида.

Вообще-то эти слова когда-то сказала мне по телефону сестра.

Я живо представил, как она сидела за письменным столом, как ее рука теребила телефонный шнур. С самоуверенной улыбкой она пробормотала:

— Не обязательно быть эрудитом, чтобы ценить джаз.

Странно, что эта картинка врезалась в мой мозг, хотя я никогда не видел комнату сестры — даже не представлял себе, как она выглядела.

— Все, приехали, — сообщил Хонда, когда автомобиль остановился возле отеля «Кацураги».

— Спасибо, что помог устроить поминки, — поблагодарил я.

— Не стоит благодарности. Когда-то Кеико много сделала для меня.

Я кивнул и вылез из машины, сжимая урну. Я уже вошел в отель, когда услышал за спиной голос Хонды:

— Ишида!

Я обернулся. Хонда опустил стекло.

— Что ты собираешься делать с... — Он почесал в затылке и взглянул на урну.

— Еще не решил.

— Если хочешь рассеять пепел над морем, мы можем обратиться к работникам крематория. Они возьмут недорого.

— Нет, не годится, — возразил я. — Сестра боялась воды. Она не умела плавать.

Хонда и моя сестра вместе преподавали в школе экстерна¹. Это он заказал для меня номер в отеле.

— С мебелью там очень скромно, но зато отель дешевый и вполне приличный, — сообщил Хонда, и это описание было абсолютно точным. Широкая кровать, маленький телевизор, гардероб, туалетный столик со стулом — вот и все. Мебель старая, но сносная. Сравнительно чисто, хотя присутствовал затхлый запах. При номере — ванная комната.

Я поставил урну на туалетный столик и взглянул на часы. Половина третьего. Через час мне предстояло явиться в полицию. Я снял костюм и повесил его на спинку стула. Мне необходимо было принять душ, чтобы смыть запах погребальных благовоний.

Раздвигая дверь ванной, я бросил взгляд на туалетный столик. Там безмолвно стояла фарфоровая урна.

Я зашел в полицейский участок и увидел за окошком одинокого молодого сотрудника. Я был единственным посетителем. Когда я назвал свою фамилию, он встал и открыл дверь офиса.

---

¹ Школа экстерна — это специализированные учебные заведения для углубленной подготовки учеников, абитуриентов и студентов к сдаче экзаменов.

— Следуйте за мной, — велел дежурный, что я и сделал, удивляясь про себя, что он покинул свой пост.

Полицейский провел меня по узкому коридору и жестом показал на дверь с правой стороны. Я постучал два раза, набрал в грудь воздуха и повернул дверную ручку.

— Извиняюсь, — пробормотал я.

За столом сидел мужчина средних лет, с волосами, начинающими редеть. На нем были выцветший черный костюм и мятая белая рубашка. Для офицера полиции одет он был неряшливо.

Кабинет оказался меньше, чем я ожидал, и без окон. Возможно, так и было задумано, чтобы заставить посетителей испытывать клаустрофобию. Крышка стола, заваленного высокими грудями папок, протянулась от стены до стены, разделив кабинет пополам. Я даже удивился, как этому человеку удавалось добираться каждое утро до своего стула. Он перелезал через стол или проползал под ним?

— Господин Рен Ишида? — спросил мужчина, взглянув на меня.

— Да.

— Пожалуйста, садитесь. — Он показал на два стула перед столом. — Я выражаю вам соболезнование по поводу случившегося с госпожой Кеико Ишидой. Конечно, для вас и ваших близких сейчас нелегкие дни. — Он отодвинул папки в сторону и протянул мне свою визитку. — Я веду дело госпожи Ишиды. Вы можете называть меня Ода.

Я кивнул и прочел на визитке: ХИДЕТОШИ ОДА, СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР.

— Господин Ишида, мне нужно услышать от вас как можно больше информации. — Он достал магнитофон. — Давайте начнем?

— Да.

Инспектор нажал на клавишу записи, посмотрел на часы и совершил привычный ритуал — назвал время, дату и место опроса, после чего представился сам и представил меня. Я подтвердил свою личность, и мы начали официальную беседу.

— Расскажите мне о вашей сестре, — сказал он. — Вы были с ней близки?

— Пожалуй, да. Во всяком случае, она звонила мне раз в неделю, — ответил я.

— Когда вы разговаривали с ней в последний раз?

— В прошлый понедельник.

Он повернул ко мне настольный календарь.

— Значит, это было шестого июня?

— Да.

— Шестого июня тысяча девятьсот девяносто четвертого года, — пробормотал он на магнитофон. — И о чем вы говорили?

Я уставился на голую стену за его спиной.

— Так, ни о чем, просто об обычных мелочах.

— Можете сказать более конкретно?

Я не сразу припомнил наш последний разговор. О чем же мы тогда говорили? Да, конечно. Мы говорили о моем свидании.

— Вы с Наэ ходили куда-нибудь в эти выходные? — спросила сестра.

— У-гу, — ответил я. — Мы обязательно встречаемся в субботу вечером.

— Где вы были?

— В итальянском ресторане.

— В каком-то престижном?

— Вроде он считается престижным.

— Правда? — воскликнула она. — Я и не знала, что у тебя такой утонченный вкус.

— Это была идея Наэ, не моя. Она узнала о нем из журнала мод.

— Ну, и хороший ресторан?

Я хмыкнул.

— Ничего хорошего и близко нет.

— Почему?

С чего я начал?

— Медленно обслуживают, паста безвкусная, и все дорого. Что и следовало ожидать, беря на веру рекомендации модного журнала.

— Может, у тебя просто были завышенные ожидания? — засмеялась она.

— Поверь мне, — возразил я, — ресторан просто плохой.

— И куда вы пошли после этого?

— Никуда, — ответил я, немного помолчав.

— Что? — воскликнула она. — И все?

— Да, — эхом отозвался я. — И все.

— Неужели правда?

— Кто больше разочарован, я или ты?

— Я в самом деле разочарована, — ответила она. — Ты такой скучный для своего возраста.

— Не говори со мной так, словно ты старуха. У нас разница только в девять лет. И вообще, чего ты ожидала от меня?

— В твоём возрасте после ресторана обычно совершают романтическую прогулку. Или ты утаиваешь от меня самое интересное?

— Мне жаль, что я снова тебя разочарую, но она сразу отправилась домой.

Я не лгал, но это была лишь часть истории. Мы с Наэ поругались за ужином. Честно признаться, у меня уже до ресторана было плохое настроение. Безвкусная ресторан-

ная еда и плохое обслуживание его не улучшили. И когда Наэ стала доставать меня вопросами насчет моих планов на будущее — *наших* планов на будущее, в ее понимании, — я разозлился.

— Ты так отчаянно стремишься замуж, — сказал я. — Боишься, что останешься одна?

Я сообразил, что хватил лишнего, когда она встала и схватила сумочку. И даже не прикоснулась к главному блюду.

— Не жди, что я буду разговаривать с тобой, если ты не извинишься, — заявила она и выскочила из ресторана.

Я вздохнул. Наэ упрямая. Она выполнит свою угрозу. Впрочем, меня это устраивало. Мне требовался перерыв. В последнее время все наши разговоры сводились к свадьбе, хоть я и говорил Наэ, что пока не готов. Небольшая разлука пойдет нам на пользу.

Из ресторана я ушел вскоре после Наэ. По дороге на станцию я увидел бар на другой стороне улицы. Я зашел туда и заказал пиво. Рядом со мной села женщина. Мы разговорились, и в результате я выпил больше, чем намеревался. Она показалась мне довольно привлекательной, хотя, по-моему, этому помогли алкоголь и неяркое освещение. Слово за слово, и я очутился в ее постели в элитной квартире-студии.

Когда мы сделали дело, она уплыла в сон, а я пошел под душ. Последний поезд уже ушел, и я остался на ночь. Она все еще спала крепким сном, когда часа в четыре утра я проснулся и тихонько ушел, не желая больше никакого общения.

Разумеется, я не стал рассказывать об этом сестре. Она засыпала бы меня вопросами про ту женщину, а я едва помнил ее лицо, не говоря уж об имени. Мы говорили несколько часов, но все воспоминания улетучились.

Единственное, что осталось у меня в памяти, — крошечная родинка на ее шее.

— Рен, ты почему так притих? — спросила сестра.

— Я устал, — солгал я.

Она продолжала разговор как ни в чем не бывало, словно не слышала моих слов.

— Но тебе ведь нравится итальянская кухня, верно? Я помню, как ты уплетал спагетти болоньезе, которые я готовила.

— Мне она нравится только тогда, когда хорошо приготовлена.

— Я знаю хороший итальянский ресторанчик. Не такой помпезный, как этот ваш ресторан, — просто маленький и уютный. Им заправляет пожилая пара. Мы с тобой съездим туда, когда ты приедешь в Акакаву. Это за городом, но поехать туда стоит.

Я улыбнулся, чувствуя ее восторг.

— Ладно, — согласился я, и это был наш последний разговор.

— **Вы что-нибудь припомнили?** — спросил инспектор.

Я сомневался, что моя личная жизнь имела какое-то отношение к смерти сестры.

— Мы говорили о моей учебе. Ничего важного.

— Она не говорила о том, что ее беспокоило? Ну, допустим, работа или личная жизнь?

— Ничего такого, что запомнилось бы. — Я покачал головой.

— Вы знаете, почему она приехала в Акакаву? Провинциальный город, не то что Токио, да и жила она тут одна.

Я ответил не сразу.

— Наши родители не ладили между собой. Сестра не выдержала этого.

Он заглянул в свою папку.

— Она уехала из Токио сразу после окончания учебы, когда ей было двадцать два года. Правильно?

— Да.

— Значит, она жила здесь одиннадцать лет. — Он посмотрел на меня. — Почему вы были единственным родственником, который присутствовал на ее похоронах?

Я не мог заставить себя ответить. Он выжидающе уставился на меня, но я не открывал рта. Мне не хотелось распространяться о наших семейных проблемах. Это вещь приватная и не имела отношения к смерти сестры. Инспектор вздохнул и что-то нацарапал в своем блокноте. Листок был полон заметок, сделанных его неразборчивым почерком.

— У вашей сестры были какие-то романтические отношения?

— Нет.

Я был уверен, что в последнее время у сестры никого не было. Не потому, что с ней было что-то не так — она была симпатичной, стройной, и вообще у нее был вид девушки из хорошей семьи. Короче, Кеико Ишида была из тех женщин, на каких хотел бы жениться средний служащий. В годы учебы в колледже и Токийском университете несколько приличных парней предлагали ей руку и сердце, но она всем вежливо отказала.

— Нет смысла, раз я не влюблена, — пояснила она мне.

— Не будь таким безнадежным романтиком, — сказал я. — Так ты никогда не выйдешь замуж.

Она только засмеялась, но наверняка она понимала, что в моих словах было зерно правды, хотя никогда не призналась бы.

— Вы уверены? — спросил инспектор, прервав мои раздумья.

Он достал из ящика стола несколько фотографий и разложил их на столе. На одной была бежевая сумочка сестры, я узнал ее. Сумочка была мокрая и в пятнах крови. Ткань порвана, всюду глубокие царапины. При виде нее я должен был ощутить грусть, но этого не случилось. Я не ощущал ничего.

Я посмотрел на остальные фотографии. Ничего необычного. Ее кошелек, красный шарф, ключи с болтающимся на них брелоком-кроликом, какое-то лекарство, ежедневник небольшого формата и ручки.

— Взгляните на это. — Инспектор показал на лекарство.

Я присмотрелся — это были противозачаточные таблетки.

— А это... — Он показал пальцем на фотографию шарфа. — Что вам это напоминает?

— Шарф, — ответил я не задумываясь.

— Судебные эксперты обнаружили на нем ее ресницу. Еще мы увидели глубокие вмятины на ее запястьях, словно они были связаны веревкой.

У меня в горле образовался комок.

— Что, у нее были завязаны глаза и связаны руки, когда ее убили?

— Наши криминалисты предполагают, что связывали ее раньше. Судя по травмам, создается впечатление, что она пыталась отбиться сумочкой от напавшего на нее. — Он задумчиво выпятил губы. — Простите мою черствость, но у меня такая работа — глядеть на это с разных углов.

Я молчал, ожидая его следующего вопроса.

— Возможно ли, что госпожа Ишида состояла в каком-нибудь обществе? Или в группе, занимающейся... опре-

деленными сексуальными практиками? — Он смущенно опустил глаза. — Я лишь имел в виду, что она была привлекательной и, как вы сказали, без романтических отношений.

Мысль показалась мне такой абсурдной, что я с трудом удержался от смеха.

— Я хорошо ее знал. Она не спала с кем попало.

Он вздохнул, но больше не стал задерживаться на этой теме.

— Она никогда не упоминала о ком-нибудь, кто ей нравился?

Я попытался вспомнить что-то подобное за годы наших еженедельных бесед по телефону.

— Может, о каком-нибудь бывшем бойфренде? — продолжал инспектор.

— Был один мужчина, — ответил я. — Примерно четыре года назад. Я не уверен, что он был ее бойфрендом, но она говорила мне, что проводит с кем-то много времени.

Инспектор наклонился вперед и схватил ручку.

— Скажите мне его имя.

— Она не назвала его, но это был вообще единственный раз, когда она упомянула, что встречается с мужчиной. Через несколько месяцев они поссорились.

— Из-за чего?

— Понятия не имею.

Он швырнул ручку на стол.

— Что еще вы знаете о том человеке?

— Он водит машину, — сообщил я. — Они несколько раз совершали поездки за город.

Инспектор почесал подбородок.

— Вы знаете, куда они ездили?

— Она никогда мне не говорила.